

Внутренняя ложка внезапно отворилась, и оттуда вышел кто-то в белых одеждах — чиновники Тяньмин носили белое. Тот человек произнес:

— Уважаемый друг, вы выпустили пар, так на этом и закончим. Во всем нужно оставлять путь для отступления, чтобы потом было легче встретиться. Знаете ли вы, кто его отец? Если устраивать беспорядки столь неподобающим образом...

Цзян Чжо ненавидел людей из Управления Тяньмин больше всего на свете. Швырнув палочки, он рывкнул:

— Не смей учить молодого господина манерам, прочь!

Человек на миг замер, а затем снова заговорил:

— Я понимаю, вы злитесь. Позвольте угостить вас вином, хорошо?

Цзян Чжо громко рассмеялся:

— Мое вино никогда не пьют с людьми из Управления Тяньмин!

С этими словами он швырнул кувшин с вином о землю прямо у своих ног, разбив его вдребезги, и не проявил к собеседнику ни малейшего уважения. Тот человек раз за разом получал от него отказ, и в конце концов у него не осталось лица, чтобы продолжать разговор. Бросив напоследок: — Ну что ж, прошу прощения! — он удалился.

В тот же миг из залы со свистом полетело несколько ледяных стрел — если бы Цзян Чжо не увернулся так быстро, все они вонзились бы в его тело! Он был лишь слегка пьян и все же понимал всю серьезность положения: уйти в горы и устроить там дебош — пустяк, но если из-за него пострадает Тяньнаньсин, это будет поистине непростительно! Тогда он выхал складной веер и выкрикнул:

— Глас Греха!

Глас Греха был звуковым свистящим проклятием: пронзительный до боли звук вонзался в уши, словно острие иглы. Белоснежный чиновник судорожно втянул воздух, пронзенный этим криком, и попятился на три шага назад, мысленно признавая устрашающую мощь противника! Когда же он снова поднял голову, Цзян Чжо уже и след простыл!

Шум на верхнем этаже привлек внимание прохожих на улице, но Цзян Чжо продолжал пить. Он пил и шел в другую сторону, а встречные люди то и дело оборачивались на него — звук пипы следовал по пятам, словно тень. Свернув за угол улицы, он обнаружил, что фляга уже опустела.

— Хорошее вино, — Цзян Чжо повернулся, поднял винный бурдюк и встряхнул его. — Хорошее вино!

Он питал слабость к тому, чтобы заступаться за других. У всех адептов Секты Пошо была эта дурная привычка, но Учитель никогда не ругала их за выходки вне дома, потому что и сама поступала точно так же. Вот только когда Цзян Чжо изредка вспоминал о своем мече, на сердце все еще скребли кошки.

— Нет меча — сойдет и веер, — он легко закрутил складной веер в приеме Без Возврата, а затем улыбнулся вееру: — Хорошо, что ты не брезгуешь мной...

Бормоча это себе под нос, он отступил назад, неожиданно наступил на порог и, потеряв равновесие, завалился внутрь, шлепнувшись прямо кому-то в объятия. Цзян Чжо остолбенел и вскинул голову.

Это был тихий винный погребок, у входа в который стоял какой-то человек, собиравшийся, судя по всему, уходить. Рост у этого незнакомца был огромным: Цзян Чжо несколько раз моргнул, но так и не смог разглядеть его лицо — перед глазами маячили лишь волосы. Его волосы... черные и собранные высоко на макушке, само по себе это было обычным делом, но они вились, и когда падали на плечи, Цзян Чжо невольно представлял себе какого-то лениво отдыхающего хищного зверя.

Цзян Чжо произнес:

— Уважаемый друг...

Человек одной рукой приподнял висевшую между ними занавеску, являя миру свое лицо, и в этот самый момент Красная Нитка на среднем пальце Цзян Чжо внезапно ожила. Обжигающий, колющий жар пронзил его палец насквозь и устремился прямо в сердце, словно желая запечатлеть образ этого человека навечно. Незнакомец был красивее любого из тех, кого Цзян Чжо видел на улице, но в его брошенном исподлобья взгляде читалось легкое равнодушие, словно ему не было дела ни до единой живой души — ровно до тех пор, пока он не опустил глаза и не уставился на Цзян Чжо.

И не было во всем мире взгляда более сосредоточенного, более откровенного и более опасного.

Борьба за первенство — в древнем сумо: следует отбирать людей с выдающейся физической силой со всех краев и областей, не имеющих себе равных в Поднебесной, и лишь тогда они могут бороться за награду. Подробные сведения см. в записках У Цзыму Вспоминая о былом в Лианчжоу.

Опоздавшая, но очень долгая благодарность за прочтение (мотает головой)

Заведение новых знакомств

Цзян Чжо был слегка навеселе — именно в том состоянии, когда безрассудство и удаль достигают своего пика. Он не спешил подниматься на ноги, а вместо этого отбросил в сторону пустую флягу и поднял руку с повязанной на ней Красной Ниткой, демонстрируя ее то ли себе, то ли собеседнику:

— Странно, как странно... Почему она так жжет, стоит ей лишь увидеть тебя?

Собеседник услышал это и действительно наклонился:

— Правда? А ну-ка, покажи.

Его ленивый голос сопровождался движением руки: он поднял занавеску еще выше, чтобы та не заслоняла ему обзор. Из-за высокого роста и широких плеч он полностью заслонил собой весь свет, падавший на Цзян Чжо, стоило ему только податься вперед.

Цзян Чжо спросил:

— Ну как, доводилось такое видеть?

Взгляд незнакомца скользнул по его пальцам, после чего тот равнодушно ответил:

— Не доводилось.

Услышав это, Цзян Чжо рассмеялся и решил поддразнить его:

— Если не доводилось, то это доказывает, что ты не какое-то там великое злое чудище.

Собеседник тоже улыбнулся, словно эти слова показались ему забавными:

— А тебе довелось повидать много великих злых чудищ?

Убедившись, что больше никто не входит и не выходит, Цзян Чжо просто уперся руками в пол и уселся прямо там:

— Тех, что покрупнее, раз-два и обчелся, а вот мелкой нечисти повидал немало. Как дела, братец, ты тоже Проводник духов?

Проводниками духов называли практиков. Поскольку все они изучали Божественные Речи

Наставления и черпали духовную энергию у божеств, их так и именовали.

Собеседник ответил:

— Я Мастер Кисти.

Тут Цзян Чжо действительно заинтересовался. Он окинул его еще одним любопытным взглядом и с неподдельным интересом спросил:

— Ты Мастер Кисти с горы Дунчжао?

В былые времена в этом мире существовали четыре столпа поддержки небес, которые охраняли четыре стороны света: восток, юг, запад и север. К сожалению, в эпоху Старого Рассвета два из них рухнули, и теперь остались лишь горы Бэйлу и Сикуй. Говаривали, что восточный столб носил название Дунчжао и когда-то служил обителью для Племени Куу. Представители Племени Куу не пользовались ни саблями, ни мечами — их орудием была кисть. После обрушения горы Дунчжао они рассеялись по всему свету, и, странствуя по Цзянху, перестали называть себя Куу, сменив имя на Мастеров Кисти.

Искусство каждого Мастера Кисти было уникальным секретным умением: кто-то из них преуспевал в изображении птиц и зверей, а кто-то — пейзажей. Но как бы ни отличались детали их работ, они всегда должны были рисовать кистью, смоченной в особой заговоренной воде. Подобные рисунки обычно наносились не на бумагу, а прямо на тело человека, помогая ему применять заклинания и божественную мощь, которыми он изначально не владел.

Собеседник ответил:

— Можно и так сказать, во всяком случае, я пришел с востока.

Трактирщик обладал поразительной проницательностью. Увидев, что двое мужчин так оживленно беседуют у входа, он тут же велел подмастерью выставить неподалеку маленький столик и, протирая его тряпкой, услужливо произнес:

— Ох, молодые господа поистине умеют выбирать места! Если вы сядете у нас, а чуть позже мы поднимем занавеску, отсюда откроется прекрасный вид на огни Платформы Южного Императора — это же первоклассное местечко!

Цзян Чжо шутливо выругался:

— Ишь ты какой услужливый! Молодой господин еще и слова не сказал, что собирается пить в твоём заведении.

— Гость на пороге — уже праздник! Коли молодые господа не желают вина, так хоть чаю нашего отведайте, — трактирщик проворно расставил пиалы и по очереди поднес их обоим. — Гляжу я на вас, молодые господа, и вижу — лица у вас благородные, а нрав отрешенный от мирской суеты. Мне так и хочется прикоснуться к вашей бессмертной ауре, так что позвольте мне дерзнуть и угостить вас этой чашкой чаю за свой счет.

Сияя улыбкой и сыпля любезностями, он выглядел куда приятнее тех выпивох с верхнего этажа. Двое подмастерьев тем временем навели порядок у входа, превратив это место в подобие отдельной беседки, что в сочетании с ночными огнями улицы выглядело весьма уютно.

Цзян Чжо обратился к собеседнику:

— Я только что налетел на тебя, и мне ужасно неловко. Позволь угостить тебя вином, а?

Собеседник, разумеется, согласился. Когда он присел, Цзян Чжо заметил, что за его спиной стоял деревянный ящик ростом почти с человека. Заметив любопытный взгляд Цзян Чжо, тот пояснил:

— Мой рабочий инструмент для рисования.

Один из подмастерьев попытался приподнять его, но ящик оказался настолько тяжелым, что не только не сдвинулся с места ни на дюйм, но и продавил постилавшие землю соломенные циновки. Несколько парней налегли вместе, но, к их величайшему удивлению, ящик даже не шелохнулся! Только тогда владелец вспомнил о нем, поднялся и одной рукой переставил ящик в сторону, заставив всех вокруг цокать языками от изумления.

Трактирщик восхищенно произнес:

— Уважаемый гость обладает недюжинной физической силой! По мне, так всякие там Лю Цзикуай или Чэнь Сомин по сравнению с вами сущие пустяки! Присаживайтесь, я кликну людей, пусть соберут закуски к вину.

Слуги и трактирщик удалились обратно в залу, оставив их вдвоем. Столик был настолько крошечным, что собеседнику пришлось сидеть, согнув одно колено.

Цзян Чжо поинтересовался:

— Братец, как твое имя?

Тот ответил:

— Фамилия моя Ло, а имя — Цсуй.

Цзян Чжо плеснул ему вина:

— Хорошо, братец Ло Цсуй, а я Цзян Чжо, второе имя — Чжиинь.

Ло Цсуй принял пиалу, но пить не стал, а вместо этого спросил:

— Так как мне звать тебя — Цзян Чжо или Чжиинь?

Цзян Чжо сначала осушил собственную чашу и только потом ответил:

— Ну, когда я завожу друзей, у меня нет столько условностей. Называй как душе угодно.

Ло Цсуй, который до этого смотрел на него, услышав такое, слегка качнул зрачками, поднял чашу и выпил. Закуски подали на удивление быстро. Расставив тарелки, трактирщик посоветовал гостям есть горячим и снова скрылся внутри, чтобы не мешать.

Цзян Чжо спросил:

— Ты ведь тоже приехал посмотреть на соревнования по борьбе за первенство?

Ло Цсуй со стаканом в руке бросил взгляд на далекую Платформу Южного Императора, а затем вновь перевел его на лицо Цзян Чжо:

— Какое еще первенство?

Цзян Чжо, недавно сам все выведавший, тут же пустился в объяснения:

— А ты разве не знал? Борьба за первенство — это когда отбирают двух силачей, чтобы те сошлись в схватке на Платформе Южного Императора. Кто победит, тот и получает награду.

Ло Цсуй, похоже, только сейчас всё понял. Он повертел пустой стакан в пальцах:

— Вот оно что. А тебе нравится это зрелище?

Цзян Чжо покачал головой:

— Мне — нет. Но раз тебя не интересует борьба за первенство, зачем тогда тебя занесло в

Город Ми?

Ло Цсуй ответил:

— Я заблудился.

Цзян Чжо как раз делал глоток, и от этих слов вино застряло у него в горле, чуть не заставив его закашляться. Вот это поворот! Подумать только, на белом свете, помимо него самого, Цзян Чжииня, нашелся еще кто-то, кто способен заблудиться. Изумленный до предела, он подпер щеку рукой и поверх тарелок и чарок принялся разглядывать Ло Цсюя, с каждым мгновением находя его все более удивительным:

— Ого-го! Ты заблудился! И что, сильно блудишь?

Ло Цсуй тоже подпер щеку рукой и с самым беззаботным видом отозвался:

— Я-то? Очень сильно. Вечно хожу кругами, а восток, запад, юг и север вообще никогда не могу различить.

Цзян Чжо горячо поддержал его:

— Весь мир — одна большая семья, и изначально не должно быть никаких разделений на восток, запад, юг и север... кхм! Скажи-ка, а в этом путешествии тебя кто-нибудь сопровождает?

Ло Цсуй ответил:

— У меня нет ни родных, ни друзей, я всегда один.

Какая жалость! Неудивительно, что он ко всему равнодушен — оказывается, он одинок и сирота, раз вынужден носить такую маску равнодушия.

Цзян Чжо вздохнул:

— Раз так, тебе, наверное, пришлось немало натерпеться в дороге, пока ты добирался с востока?

Старшая Сяоцзе как-то рассказывала Цзян Чжо, что Мастера Кисти совершенно не умеют драться и обычно падают от пары ударов — мол, это слабейший из всех кланов и сект. Раз этот человек не умеет махать кулаками да к тому же вечно блуждает, ему ведь наверняка достается от злодеев, когда удача отворачивается от него?

И точно, Ло Цсюй чуть заметно кивнул:

— Когда я проходил через Чжунчжоу, то случайно забрёл в земли Секты Костей Грома, и они отходили меня несколькими ударами молнии.

При упоминании Секты Костей Грома Цзян Чжо сразу оживился. Строго говоря, Секта Костей Грома и Секта Пошо состояли в союзнических и даже родственных отношениях. То самое Разрыв Шума, которым Цзян Чжо пользовался чаще всего, было первым заклинанием из Трёх Заклинаний Призыва Грома Секты Костей Грома, а его Учитель в былые годы часто возила их туда порезвиться. Правда, после этих резвушек неизменно разгорался грандиозный скандал, причем виновницей обычно выступала его Старшая Сяоцзе. Во всяком случае, стоило ей спуститься с гор, как она снова затевала пару драчек с адептами Секты Костей Грома — побеждала ли она, никто не знал, но из-за нее Цзян Чжо и Тяньнаньсин теперь стоило лишь где-то показаться, как их тут же начинали преследовать и лупить все кому не лень!

Цзян Чжо воспользовался моментом, чтобы высказаться:

— У тамошних людишек сквернейший нрав, ни хорошего, ни плохого слова не понимают. Чуть что — сразу призывают молнии и хватаются за мечи, просто ужас как страшно, сущий кошмар!

Все их братство славилось отвратительными характерами, и в Цзянху они мало кого боялись, однако среди адептов Секты Костей Грома нашелся один тип — да еще какой сильный! — перед которым пасовала даже их Учитель!

Ло Цсюй проникся сочувствием:

— Стоит там подняться малейшему ветерку, как всю округу оглашает грохот гроз.

Цзян Чжо передернуло от воспоминаний:

— В следующий раз тебе лучше обходить эти места десятой дорогой. У них... у них там есть некто по имени Ли Сянлин, прозванный Мечом, Устрашающим Сотню Рек, Первым Поднебесной... Поистине ужасный человек...

Из-за общей нелюбви к Секте Костей Грома они мгновенно стали единомышленниками. Обрадованный появлением нового друга, Цзян Чжо осушил еще два кувшина вина и спросил Ло Цсюя:

— Братец, какие у тебя планы на будущее?

Ло Цсюй ответил:

— Я странствую везде, где придется, лишь бы перепала миска риса, никаких конкретных планов у меня нет. А ты?

Цзян Чжо отозвался:

— Завтра на рассвете я отправляюсь в область Ван, там есть кое-какие дела.

Ло Цсюй допил вино и опустил веки. Только что ему было плевать на весь мир, а теперь на лице промелькнула тень разочарования. Он расстраивался совсем не так, как остальные люди — на его лице не появлялось никаких особенных эмоций, просто сказывалась привычка к одиночеству, позволявшая внешне спокойно относиться к расставаниям. Не глядя на Цзян Чжо, он лишь произнес:

— Что ж, случайная встреча — это тоже узы судьбы. Я очень рад, что повстречал тебя, и благодарю за угощение.

Цзян Чжо еще никто не провожал с таким видом, будто расставаться с ним жалко. Куда бы он ни отправлялся, местное население всегда молилось о его скорейшем убытии, а когда он покидал горы, Учитель даже запускала петарды на прощание. Видя сейчас Ло Цсюя, он почувствовал себя не в своей тарелке, словно бессовестно бросил человека на произвол судьбы. Он промычал одно угу, потом другое, но пригласить Ло Цсюя с собой не решился — кто его знает, что за напасть эта Племя Огнекормов, а вдруг там смертельно опасно?

Видя, что вино подходит к концу, Цзян Чжо оставалось лишь сказать:

— Где ты остановился? Я провожу тебя.

Ло Цсюй покачал головой:

— Не стоит, я дорогу спрошу и найду.

Чем беспечнее он это говорил, тем сильнее Цзян Чжо чувствовал себя как на иголках — разве мог молодой господин вынести такое щемящее чувство? Он поднялся на ноги:

— Поздно уже, пока ты у кого-то спросишь, сколько времени пройдет? Я провожу!

Он расплатился за ужин оставшимся в поясном кошельке серебром и увлек Ло Цсюя за собой. На улице повсюду полыхали огни, грохотали фейерверки, и царило прежнее оживление. Но стоило им выйти за порог, как Цзян Чжо сел в лужу — он так браво задирает нос, что совершенно забыл: он ведь и сам первостатейный мастер плутать по дорогам!

Цзян Чжо обернулся:

— Слушай...

Ло Цсуй шел позади с деревянным ящиком за плечами и недопитым винным бурдюком в руках, глядя прямо на него. Глубокие по цвету зрачки казались безразличными и скучающими, когда он смотрел куда-то в сторону, но стоило ему перевести взгляд на Цзян Чжо, как в них загоралось такое сосредоточенное внимание, словно все сказанное Цзян Чжо было истиной в последней инстанции, и в то же время способно причинить глубокую боль.

Слова застряли у Цзян Чжо в горле:

— ...Ничего!

Ло Цсуй произнес:

— Я живу в гостинице Без Названия, что в переулке Ни Куда не Годишься, в девятнадцатом тупике улицы Вымысел в Первом Восточном районе.

Мысленно Цзян Чжо подумал: Ну и зануды же эти жители Города Ми, надо же было придумать такие дурацкие названия — улица Вымысел, переулок Ни Куда не Годишься, да еще и девятнадцать штук впридачу! Черт побери, на горе Бэйлу даже жилых домов столько не наберется!

Он заткнул веер за пояс, глубоко вздохнул и, собрав всю решимость, с которой обычно шел в драку, твердо решил выстоять!

На самом деле Мастера Кисти в древности были мастерами татуировок, но здесь они превратились в художников.

Спасибо за прочтение!

Мастер Кисти

Едва они миновали выход из переулка, как улица встретила их бурлящим людским потоком. Цзян Чжо петлял из стороны в сторону, чувствуя, как у него рябит в глазах от роскошных нарядов прохожих и сияния праздничных фонарей. Озадаченный тем, куда идти дальше, он вдруг заметил у дороги чайный ларек и бросил:

— Нам еще идти и идти, я угощу тебя чаем!

Не дожидаясь ответа Ло Цсюя, он потащил его за рукав к столику. Хозяин лавки, завидев посетителей, торопливо втянул голову обратно, перестав глазеть на праздничную толпу, и предложил им присесть.

Подобные чайные развалы в Городе Ми попадались на каждом шагу: их возводили наспех, чтобы утолять жажду путников отварами и лекарственными чаями. Цзян Чжо заказал две пиалы горячего настоя и, пока Ло Цсуй пил, вполголоса расспросил хозяина, как отыскать улицу Вымысел.

Хозяин призадумался:

— Не стану скрывать, уважаемый, сам я живу у Западного храма, а здесь торгую чаем лишь потому, что нынче ночью идут соревнования за первенство. Про улицу Вымысел я сроду не слышал — должно быть, это где-то в кварталах знати и бессмертных адептов.

Цзян Чжо уточнил:

— Что еще за знать и бессмертные адепты? И где они живут?

Хозяин пояснил:

— Вы, должно быть, прибыли с севера, господин? В наших двух южных областях уже давно провели перепись и разделили всех по разрядам. Нынче актеры, проститутки, мясники, рабочие и торговцы именуются «подлой чернью» — к таковым и я принадлежу. А вот такие господа, как Маленький господин Тао — те относятся к «знати». Ну а что до «бессмертных адептов»... Прошу прощения за дерзость, но вы сами и есть бессмертный адепт!

Заметив интерес на лице гостя, он подробно изложил суть сословий. Оказывается, с тех пор как в двух южных областях обосновалось Управление Тяньмин, население делилось на шесть ступеней: грязные рабы, подлая чернь, добрые простолюдины, знать, бессмертные адепты и Великий Чиновник Цзи. Хуже всего приходилось грязным рабам — их не только держали за прислугу, но и открыто торговали ими на рынках. Что же касается подлой черни, то им обычно запрещалось свободно разгуливать где попало, загоняя в пределы городских окраин.

Цзян Чжо все понял. Прежде ему не доводилось сталкиваться с подобным разделением, и уж тем более он не ожидал, что Управление Тяньмин окажется настолько бессовестным, чтобы обращаться с людьми как с рабами и презренным товаром, возвеличивая при этом самих себя до самого высшего и почтенного сословия.

Опасаясь навлечь на себя беду лишними разговорами, хозяин тут же сменил тему и посоветовал Цзян Чжо:

— Ступайте прямо по этой улице, господин, до самого конца. Там как раз располагаются подворья знати и бессмертных адептов, авось и отыщете свою улицу Вымысел.

Поблагодарив торговца, Цзян Чжо вернулся к столику и, увидев, что Ло Цсуй как раз допивает последнюю каплю, спросил:

— Ну как, вкусно?

Ло Цсуй растягивал одну пиалу на добрый десяток глотков, терпеливо дожидаясь возвращения спутника. Приподняв веки, он взглянул на Цзян Чжо:

— Неплохо. Мы продолжим путь?

Цзян Чжо кивнул:

— Пойдем... м-да, давай вперед.

В этот момент толпа вокруг стала еще плотнее. Люди напоминали бурлящий водоворот, готовый снести чайный ларек с лица земли. О том, чтобы двигаться вперед, не было и речи — им с трудом удавалось сделать хотя бы шаг. Ло Цсуй шел плечом к плечу с ним, как вдруг поинтересовался:

— Тот человек идет сюда — он твой знакомый?

Цзян Чжо, перебравший с вином, не сразу сообразил, о какой стороне идет речь. Окинув взглядом окрестности, он наконец разглядел в толпе знакомую физиономию. Стоило этому лицу заметить Цзян Чжо, как брови его мгновенно взлетели вверх от гнева и он разразился площадной бранью:

— !&@*%?

Цзян Чжо озадачился:

— Что он говорит?

Ло Цсуй ответил:

— Наверное, хвалит тебя.

Маленький господин Тао продолжал изливать потоки брани. Не дождавшись никакой реакции от парочки, он яростно взмахнул рукой, ткнул в их сторону пальцем и заорал на подчиненных:

— Чего стоите, разинув рты?! Жить надоело? А ну взять их!

Ло Цсуй обронил:

— А эту фразу ты расслышал?

Цзян Чжо одной рукой вцепился в рукав Ло Цсюя, а другой выхватил складной веер:

— Расслышал, Внезапное Погр—

Он собирался крикнуть Внезапное Погружение, но вокруг толпилось столько людей — если земля вдруг провалится, что же случилось бы с простыми горожанами? Из-за этого мгновенного колебания четыре Укротителя Духов, посланных Маленьким господином Тао, уже подоспели!

— Надоедливые мухи, побитые собаки, — уворачиваясь вместе с Ло Цсюем от атак то справа, то слева, со смешком произнес Цзян Чжо. — Что увязались за молодым господином? Косточек захотелось?

Маленький господин Тао взбеленился:

— Больше всего на свете я ненавижу этот его язык! Вырежьте ему язык тоже!

Четверо новоприбывших Укротителей Духов были истинными мастерами своего дела. Набросившись на них хищными зверями и заняв позиции по четырем углам, они окружили Цзян Чжо и его спутника, а затем враз сложили пальцы в заклинание:

— Оковы Души!

Одного Укротителя Духов Цзян Чжо не боялся, двух — тоже, но трое или четверо доставляли немало хлопот, к тому же среди сплошного потока гуляющих на улице людей он попросту не мог развернуться в полную силу! В отчаянной попытке он распахнул веер и выкрикнул:

— Тайфэн!

В тот же миг со свистом взметнулся мощный порыв ветра, разметавший зевак во все стороны и расчистивший вокруг чайного ларка просторную площадку. Четыре Укротителя Духов были вынуждены отпрыгнуть назад под натиском бури, однако все они являлись элитой своих кланов: не растерявшись перед лицом опасности, они тут же перешли в контратаку:

— Опутывание Тела!

Опутывание Тела также принадлежало к числу техник Укротителей Духов. Оно позволяло призывать на помощь злых духов, которые намертво опутывали жертву с ног до головы, сковывая ее руки и оставляя беспомощно стоять на месте в ожидании расправы.

Стоило прозвучать этому заклинанию, как руки и ноги Цзян Чжо действительно налились свинцовой тяжестью. Недолго думая, он сменил заклинание:

— Сожжение в Пепел!

Его рукава и покровы одеяний вмиг объял Кармический Огонь, а сверкающие золотом Огненные Рыбы мигом испепелили призраков, посмевших прикоснуться к нему. Взмахнув рукавом и стряхивая пепел, он бросил:

— Как говорится, в узком проходе побеждает храбрейший! Чего вы там застряли наотлет? Идите сюда!

Едва смолкли эти слова, как лодыжки четырех Укротителей Духов тяжело опустились на землю, словно за них уцепилась чья-то хватка, после чего все четверо один за другим рухнули со звуком шлепка и их потащило напрямиком к Цзян Чжо!

Один из Укротителей Духов испуганно вскричал:

— Плохо дело, это заклинание Встреча! Мы попались на его удочку!

Встреча тоже была заклинанием, но из-за ее тайного происхождения мало кто владел ею в совершенстве. Говаривали, что Встреча способна призывать духовных чиновников, которые утаскивают людей из-под земли. Мастера, достигшие вершины в этом искусстве, были способны уволочь человека за сотни ли отсюда.

Цзян Чжо протянул:

— Ой-ой-ой, как некстати, а ловушка-то вышла на славу, да вот только сожалеть уже поздно.

<http://bllate.org/book/19195/1885292>